

Сказки для взрослых

Автор:

Братья Гримм

Сказки для взрослых

Якоб и Вильгельм Гримм

Сказки братьев Гримм – отнюдь не безобидное чтение на ночь. Взгляните на привычные сюжеты другими глазами: многие истории напоминают готические новеллы. Мачеха Белоснежки велит принести легкое и печень падчерицы, сестры Золушки обрезают себе ступни, чтобы надеть туфельку, отец отрубает дочери руки, чтобы получить богатство, а черти, домовые и ожившие мертвецы пакостят на каждом шагу. Не только страшные, пугающие, но и ироничные сказания, от которых кровь стынет в жилах.

Братья Гримм

Сказки для взрослых

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Сказка о добром молодце, который страха не знал

У одного отца было двое сыновей. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог. Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!» Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и, когда отец его за чем-нибудь посылал позднею порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах нет, батюшка, не пойду я туда! Очень уж боязно мне!» Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирали, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило? «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться! Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю!»

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка ты там, в углу! Ты и растешь и силы набираешься, надо же тебе научиться тоже какому-нибудь ремеслу, чтоб добывать себе насущный хлеб. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром кормить хлебом приходится!» – «Эх, батюшка! – отвечал тот. – Очень бы хотел я научиться чему-нибудь! Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться». Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Никогда пути не будет в нем! Кто хочет крюком быть, тот заранее спину гни!» Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь!»

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну подумайте только! Когда я спросил его, чем он станет себе хлеб зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» – «Коли за этим только дело стало, – отвечал дьячок, – так я берусь обучить его! Пришлите-ка его ко мне! Я его живо обработаю!..» Отец был этим доволен, в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают. Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол. Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну научишься же ты нынче страху!» Пробрался тихонько вперед, и, когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице, против слухового окна, очутился кто-то в белом. Он крикнул: «Кто там?» – но тот не отвечал и не шевелился. «Эй! Отвечай-ка! – закричал снова парень. – Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать!» Но дьячок продолжал стоять неподвижно, чтобы парень принял его за привидение.

Вторично обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!» Дьячок подумал: «Ну это ты, братец мой, только так говоришь!» – не проронил ни звука и стоял словно каменный. И в третий раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и толкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу. А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул. Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню!» – «Нет! – отвечал тот. – А вот на лестнице, против слухового окна, стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был? Мне было бы жаль, если бы это над ним стряслось!» Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: мужа моего сбросил с лестницы, так что, сердечный, ногу сломал! Возьмите вы негодяя из нашего дома!» Испугался отец, прибежал к сыну и выбранил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал!» – «Ах, батюшка! Только выслушай меня! – отвечал тот. – Я совсем не виноват! Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и трижды уговаривал его ответить мне или уйти!» – «Ах, – возразил отец, – от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих! Видеть я тебя не хочу!» – «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху: авось узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит!» – «Учись чему хочешь, мне все равно! – сказал отец. – Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить!» – «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему! Это я легко могу соблюсти!»

На рассвете положил парень свои пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!» Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь. Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся! Садись под тем деревом и жди ночи: не оберешься страху!» – «Ну коли только в этом дело, – отвечал парень, – так оно не трудно! Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров, приходи только завтра рано утром сюда ко мне!» Затем подошел

добрый молодец к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел себе костер; но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться. Ветер раскачивал трупы повешенных, они толкались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, каково же им мерзнуть и мотаться там, наверху?..» И как сердце у него было сострадательное, он приставил лестницу, взлез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтоб они могли согреться. Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям. Тут он рассердился: «Ну если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами!» И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул. Поутру пришел к нему встречный человек за получением пятидесяти талеров и спросил: «Ну что, небось знаешь теперь, каков страх бывает?» – «Нет, – отвечал тот, – откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что дали гореть на теле своим лохмотьям!» Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Еще первого я такого вижу!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!» Услыхал это извозчик, ехавший позади его, и спросил: «Кто ты таков?» – «Не знаю!» – отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» – «Не знаю!» – «Да кто твой отец?» – «Не смею сказать!» – «Что такое бормочешь ты себе под нос?» – «Я, видишь ли, хотел бы, чтоб меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить!» – отвечал парень. «Не мели ты вздора! – сказал извозчик. – Ну-ка отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою!» Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собрались заночевать. Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!» Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай!» – «Ах, замолчи! – прервала его хозяйка. – Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый молодец перестал глядеть на белый свет!» Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу!» Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что недалеко находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете! В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в

том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся и любой бедняк ими обогатится. Много добрых молодцов ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся. На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке!» Король взглянул на парня, и так как тот ему приглянулся, то он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок». Парень отвечал: «Ну так я попрошу себе огня, токарный станок и резчий станок с резцом!»

Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил близ него резчий станок с резцом, а сам сел за токарный. «Эх, кабы меня только страх пробрал! – сказал он. – Да, видно, и здесь я тоже не научусь ему!..» Около полуночи вздумал он пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Ау, мяу! Как нам холодно!» – «Чего орете, дурачье?! – закричал он. – Если вам холодно, идите садитесь к огню и грейтесь!» Едва успел он это произнести, как две больших черных кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обе его стороны и стали дико глядеть на него своими огненными глазами. Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Товарищ! Не сыграем ли мы в карты?» – «Отчего же? – отвечал он. – Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы!» Они вытянули свои когти. «Э! – сказал парень. – Коготки у вас больно длинные! Погодите, я должен вам их сперва обстричь!» С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на резчий станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидел я ваши пальцы, – сказал он, – и прошла у меня всякая охота в карты играть!» Он убил их и выбросил из окна в пруд. Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла повыскакали черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях – и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться. Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и сбились совсем разметать костер. Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпеж стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» – и бросился на них. Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел – и глаза стали слипаться, и стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» – и лег. Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку. «Вот это ладно! – сказал он. – Да нельзя ли поживей! Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, – во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз... Но вдруг – гоп-гоп!.. Кровать опрокинулась вверх ногами, и на парня словно гора налегла.

Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну будет с меня! Пускай катается кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня. Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго молодца!» – сказал король. Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну до беды-то еще не дошло!» Удивился король, обрадовался и спросил, каково с ним было. «Превосходно, – отвечал тот, – вот уж минула одна ночь, а там и две другие пройдут!» Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых! Ну что, научился ли страху?» – «Какое там! – отвечал парень. – Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня!..»

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче, затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! – закричал добрый молодец. – Надо бы еще половинку! Этой маловато будет!» Тут снова гомон поднялся, послышался топот и вой – и другая половина тоже выпала. «Погоди, – сказал парень, – вот я для тебя огонь маленько раздую!» Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись – и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! – сказал парень. – Скамейка-то моя!» Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его со скамьи и сел опять на свое место. Тогда нападало сверху, один за другим, еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвых головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли. Парню тоже захотелось поиграть. «Эй вы, послушайте! – спросил он. – Можно ли мне присоединиться к вам?» – «Можно, коли деньги у тебя есть!» – «Денег-то хватит, да шары ваши не больно круглы!» Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, – сказал он, – теперь они лучше кататься будут! Валяйте! Теперь пойдет потеха!..» Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробил полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул. Наутро пришел король осведомиться: «Ну что с тобой творилось на этот раз?» – «Поиграл в кегли, два грошика проиграл!» – «Да разве тебе не было страшно?!» – «Ну вот еще! – отвечал парень. – Позабавился, и только! Хоть бы мне узнать, что такое страх!..»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!» Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом на руках. «Эге-ге, – сказал парень, – да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший дня два тому назад!» Он поманил пальцем и крикнул: «Ну

поди, поди сюда, братец!» Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодно как лед. «Погоди, – сказал он, – я тебя маленько согрею!» Подошел к огню, погрел свою руку и приложил ее к лицу мертвеца; но тот был холоден по-прежнему. Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы вызвать снова кровообращение. Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним. Немного спустя и покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь ли, братец, – сказал парень, – я и отогрел тебя!» Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» – «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!» И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб. «Не пробирает меня страх, да и все тут! – сказал парень. – Здесь я страху вовеки не научусь!»

Тут вошел человек, еще громаднее всех прочих, и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой. «Ах ты, тварь этакая! – закричал он. – Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» – «Ну не очень спеши! – отвечал парень. – Коли мне умирать приходится, так без меня не обойдется дело!» – «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» – сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расхотелся! Я ведь также не слабее тебя, а то еще и посильней буду!» – «Это мы еще посмотрим! – сказал старик. – Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдём-ка попытаем силу!» И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю. «Эка невидаль?! Я могу и получше этого сделать!» – сказал парень и подошел к другой наковальне; старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика. «Ну теперь ты, брат, попался! – сказал он. – Теперь тебе помирать приходится!» Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства. Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненные золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая – королю, третья – тебе...» В это время пробил полночь, дух исчез, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда!» – сказал он, пощупал вокруг себя, отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня. Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось научился ты страху?!» – «Нет, – отвечал тот, – и ведать не ведаю, что такое страх! Побывал тут мой покойный

двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там, внизу, кучу денег, а страху меня никто не научил!» И сказал тогда король: «Хвала тебе, добрый молодец! Избавил ты замок от нечистой силы! Бери же себе дочь мою в жены!» – «Все это очень хорошо, – отвечал тот, – а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»»

Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как ни любил он свою супругу и как ни был он всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!» Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось научится и он дрожать от страха!» Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей. Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него. Проснулся тут молодой и закричал: «Ай, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!..»»

Верный Иоганн

Жил-был однажды старый король и заболел, и пришло ему в голову: «Видно, лежу я на смертном одре и не подняться уж мне с него». Тогда сказал он: «Позовите ко мне моего неизменно верного Иоганна!» Этот Иоганн был его любимый слуга и так назывался потому, что всю жизнь служил ему верой и правдой. Когда же тот явился к постели короля, король сказал ему: «Вернейший Иоганн, я чувствую, что мой конец приближается, и нет у меня никакой иной заботы, кроме заботы о сыне; он еще совсем юн и не всегда сумеет жить по разуму, и если ты мне не обещаешь наставить его всему, что он должен знать, да не захочешь быть ему опекуном, то мне не придется закрыть глаза спокойно». Тогда отвечал верный Иоганн: «Я его не покину и буду служить ему верой и правдой, хотя бы пришлось за то поплатиться жизнью». На это король сказал: «Ну, значит, я могу умереть спокойно и с миром, – и затем продолжал: – После моей смерти ты должен ему показать весь замок – все покои, залы и подвалы и все сокровища, какие в них хранятся; но самого крайнего покоя в длинном коридоре ты ему не показывай – того, в котором сокрыто изображение королевны с золотой крыши. Как только он увидит это изображение, он воспламенится к королевне страстной любовью – пожалуй, еще в обморок упадет, – да из-за нее во всякие опасности ползет... От всего этого ты обязан

его оберечь». Верный Иоганн еще раз поклялся старому королю, что исполнит его завет, и тот стал мало-помалу затихать, склонился головой на подушку и скончался.

Когда старого короля схоронили, верный Иоганн рассказал молодому королю о том, в чем он поклялся его отцу на смертном одре, и добавил: «Все обещанное ему выполню добросовестно и буду тебе так же верно служить, как служил ему, хотя бы мне то стоило жизни». Когда же обычное время скорби минуло, верный Иоганн сказал королю: «Ну теперь пора тебе осмотреть все, что ты унаследовал: я покажу тебе весь замок отца твоего». И он повел его всюду, вверх и вниз, и показал ему все богатства и все дивные покои замка, не показал только одного покоя, в котором было сокрыто изображение королевны с золотой крыши. А это изображение было так поставлено, что, если отворить дверь, оно прямо бросалось в глаза; притом оно было так превосходно сделано, что его можно было принять за живое существо, и надо было сознаться, что во всем свете ничто не может быть ни милее, ни прекраснее этого женского образа. Юный король не мог, конечно, не заметить, что верный Иоганн все проходит мимо одной двери, и спросил: «Отчего же ты мне эту не отпираешь?» – «За эту дверь, – отвечал Иоганн, – есть нечто такое, чего ты можешь испугаться». Но король сказал ему: «Я весь замок видел, а потому и желаю знать, что там за дверью». Подошел сам к двери и хотел ее отворить силою. Тогда верный Иоганн стал его удерживать и сказал: «Я отцу твоему перед его кончиною обещал, что ты не увидишь скрытое в этом покое; я знаю, что и тебя, и меня это могло бы повести к великим бедствиям». – «О нет! – отвечал юный король. – Если я не проникну в этот покой, то я, наверно, погибну: я и день и ночь буду жить в вечной тревоге, пока своими глазами не увижу того, что там скрыто! С места не сойду – так и знай, – пока ты мне не отомкнешь этой двери!»

Тогда верный Иоганн увидел, что решение его непреклонно, и с великой скорбью и тяжкими вздохами выискал в толстой связке заветный ключ. Отомкнув дверь, он поспешил войти первый и думал прикрыть изображение, чтобы оно не бросилось в глаза юному королю. Но все было напрасно! Король приподнялся на цыпочки и глянул ему через плечо. И, как только увидел он изображение красавицы-королевны, которое было прекрасно и притом все блистало золотом и драгоценными камнями, так и грянулся в обморок. Верный Иоганн поднял его, снес на постель и стал тревожиться: «Вот, мол, стряслась беда! Господи Боже, что из этого выйдет?» И стал помаленьку отпаивать королевича вином, пока тот совсем не пришел в себя. Первым словом королевича было: «Ах! Кто эта красавица?» – «Это королевна с золотой крыши», – отвечал верный Иоганн. «Моя любовь к ней так велика, – сказал юный король, – что если бы у каждого листка

на дереве был свой язык, то и все они вместе не могли бы выразить моей любви; жизнь свою я посвящу на то, чтобы добиться ее руки. Ты мой вернейший слуга, и ты мне должен в этом деле помочь».

Верный слуга долго обдумывал, как бы ему приступить к этому делу, потому что мудрено было добиться даже возможности повидать королеву. Наконец он таки придумал способ действий и сказал королю: «Эта королева у себя в доме вся обставлена золотом: столы, стулья, блюда, чаши и кубки и вся домашняя утварь у нее золотая. У тебя в сокровищнице есть пять бочек золота; так прикажи твоим золотых дел мастерам одну из этих бочек золота перековать во всякую посуду и утварь, изготовить из того золота всяких птиц, лесных и разных диких зверей... Ей это понравится, и мы с тобой все это захватим с собою и поедим к ней попытать счастья». Король тотчас приказал созвать всех мастеров со своего царства, заставил их работать и день и ночь, пока наконец они не переработали все золото во множество прекрасных вещей. Когда все это было погружено на корабль, верный Иоганн надел купеческое платье, и юный король тоже должен был последовать его примеру, чтобы их никто не мог узнать. Затем они поплыли по морю и плыли по нему, пока не доплыли до города, в котором жила королева с золотой крышей.

Верный Иоганн просил короля остаться на корабле и ждать его возвращения. «Легко может быть, – сказал он, – что я королеву с собою приведу на корабль, а потому позаботьтесь о том, чтобы все привести в порядок, всю золотую утварь расставьте и весь корабль приукрасьте». Затем он понабрал в свой фартучек различных золотых предметов, сошел с корабля на сушу и направился к королевскому замку. Когда он вступил во двор замка, то увидел, что у колодца стоит красивая девушка с двумя золотыми ведрами в руках и черпает этими ведрами воду. Она уже хотела отойти от колодца, наполнив ведра ярко блиставшею на солнце водой, обернулась, увидела чужанина и спросила: кто он такой? Он ответил: «Я купец», – и, приоткрыв свой фартучек, дал ей одним глазком глянуть на свой товар. Тогда она воскликнула: «Э, какие славные золотые вещи!» – и ведра поставила на землю и стала весь товар перебирать, штука за штукой. Тут она сказала: «Это все нужно показать королеве, которая так любит всякие золотые вещи, – она у вас все сейчас скупит». И она взяла его за руку и повела его вверх по лестнице замка, потому что она была королевниной прислужницей. Когда сама королева взглянула на товар, то она осталась им очень довольна и сказала: «Это все так прекрасно сработано, что я у тебя сразу все скуплю». Но верный Иоганн отвечал: «Я только слуга богатого купца, и то, что у меня здесь захвачено с собою, ничтожно в сравнении с тем, что находится у моего господина на корабле! То уж точно можно назвать и

самым дорогим, и самым художественным из всего, что когда-либо было сделано из золота!» Она было захотела, чтобы ей все переносили в замок, но он отвечал: «На это много бы пришлось потратить дней, да, признаться, у вас в замке, пожалуй, не нашлось бы и места расставить столько сокровищ». Это, конечно, еще более возбудило ее любопытство и желание, так что она наконец сказала: «Веди меня на корабль, я сама хочу видеть сокровища твоего господина».

Тогда верный Иоганн повел ее к кораблю и был рад-радешенек, а король, увидев ее, убедился в том, что ее красота была еще выше красоты ее изображения. Он просто думал, что у него сердце разорвется на части! Вот она взошла на корабль, и король ввел ее в каюту; а верный Иоганн остался на палубе, около кормчего, и приказал отчалить: «Поставьте, мол, все паруса – пусть корабль мчится по волнам, как птица по воздуху». А король-то между тем показывал ей в каюте всю золотую утварь, каждую штуку отдельно, – блюда, чаши и кубки, птиц золотых, лесного и всякого диковинного зверя. Много часов прошло в этом обзоре, и в великом своем удовольствии она и не заметила, что корабль давно уже плыл по морю. Когда королева осмотрела последнюю вещь, она поблагодарила купца и собралась домой; но, приблизившись к борту корабля, она увидела себя вдали от берега: корабль на всех парусах летел в открытом море. «Ах! – воскликнула она в испуге. – Меня обманули, меня похитили, и я попала в руки купца! О, лучше уж умереть!» Король взял ее за руку и сказал: «Я – не купец, а король и по роду своему не ниже тебя... И если я решился похитить тебя хитростью, так это лишь по чрезмерной любви к тебе. Впервые увидав твое изображение, я даже в обморок упал!» Когда королева с золотой крыши это услышала, она утешилась, и ощутила в сердце склонность к нему, и охотно согласилась быть ему супругою.

Случилось, однако же, что в то время, когда они мчались в открытом море, верный Иоганн, сидевший на носу корабля и кое-что наигрывавший на скрипке, увидел у себя над головою в воздухе трех воронов, которые летели вслед за кораблем с королевниной родины. Тогда он перестал играть и стал прислушиваться, о чем они между собою переговаривались (он хорошо понимал их язык). Один ворон воскликнул: «Эге, вот он и везет к себе королевну с золотой крыши». – «Да, – сказал другой. – Везет-то везет – да довезет ли?» Третий вступился: «А все же она у него в руках и сидит у него в каюте!» Тогда опять первый речь повел: «А что проку? Чуть они причалят к берегу, ему навстречу выбежит конь золотисто-рыжей масти, и королевич захочет на него сесть, и если ему это удастся, то конь взмахнет с ним вместе в воздух, и никогда ему не видать больше своей суженой». Второй ворон спросил: «А разве спасения-то нет?» – «О да! Вот если другой вместо короля успеет вскочить на

коня, вытащит из кобуры пистолю и насмерть убьет рыжего коня, тогда юный король спасен. Да кто это ведать может? И если даже проведает и скажет королю, то окаменеет от пальцев ног по колена». Тогда заговорил второй ворон: «Я, пожалуй, и больше этого знаю. Если конь и будет убит – юный король все же еще не добьется руки своей невесты! Когда они вместе вступят в замок, там будет на блюде лежать богатая свадебная рубаха для жениха, на вид златотканая, а на самом-то деле – голая смола да сера! Как он ее на себя наденет, так она и прожжет его до мозга костей!» Третий ворон вступился: «Неужели и спасения нет?» – «Как не быть? – отвечал второй. – Стоит только кому-нибудь, надев рукавицы, схватить ту рубаху и швырнуть ее в огонь – и она сгорит, и юный король будет спасен! Да что в том проку? Ведь тот, кто это ведает да ему скажет, – окаменеет от колен до самого сердца». Тогда заговорил третий: «Я больше того знаю! Если даже женихова рубаха и будет сожжена – все же ему не видать своей невесты: когда после свадьбы начнется пляска и юная королева станет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет замертво, и если кто-нибудь не догадается ее поднять и из правой ее груди высосать три капли крови и выплюнуть их, то она должна умереть! Ну а если бы кто, проведавши, выдал эту тайну, тот весь окаменеет, с маковки до мизинчика на ноге». Потолковав обо всем этом между собою, вороны полетели далее, и верный Иоганн отлично уразумел всю их беседу; но с той поры затих и загрустил: он понимал, что если он не откроет своему господину слышанное им, то юному королю грозят великие бедствия; а если откроет – сам должен поплатиться жизнью. Наконец он сказал себе: «Хоть самому погибнуть, а надо постоять за своего господина!»

Как только они причалили к берегу, случилось именно то, что предсказал ворон: откуда ни возьмись явился перед королевичем чудный конь золотисто-рыжей масти. «Вот и отлично! – сказал король. – На этом коне и поеду я в замок». И занес было ногу в стремя; но верный Иоганн быстро вскочил в седло, выхватил пистолю из кобуры и положил коня на месте. Тогда воскликнули все остальные слуги короля, которые, конечно, не очень были расположены к верному Иоганну: «Какой срам – убить такого красивого коня! Ведь он назначен был везти короля с берега в замок!» Однако же король сказал: «Извольте молчать и оставьте его в покое; это вернейший мой Иоганн, и кто знает, почему он так поступил?» Вот вступили они в замок, и там, в одной из зал, на блюде лежала совсем готовая рубаха для жениха и с первого взгляда казалась сотканною из серебра и золота. Юный король поспешил к блюду и хотел уже взять рубаху с блюда, но верный Иоганн отстранил его, скомкал рубаху в своих рукавицах, быстро поднес к огню и дал ей сгореть дотла. Остальные слуги стали опять ворчать и говорили: «Что же это такое? Вот уж он и королевскую свадебную рубаху сжег!» Но юный

король и тут сказал: «Кто знает, почему именно это так нужно, – оставьте его, ведь это мой вернейший Иоганн». Вот и свадьбу стали играть: началась обычная пляска, и невеста стала также принимать в ней участие, а Иоганн все внимательно за нею следил и смотрел ей в лицо... Вдруг видит, она побледнела и замертво упала на пол. Тогда он поскорее подскочил к ней, подхватил ее на руки, снес в отдельную комнату, положил ее, стал около нее на колени и, высосав у нее из правой груди три капельки крови, выплюнул их. Она тотчас стала дышать и очнулась; но юный король все видел и, не зная, зачем так поступил верный Иоганн, прогневался на него и воскликнул: «Бросьте его в темницу!» На другое утро суд судил верного Иоганна и его повели под виселицу; и когда уж он стоял на верхней ступени лестницы и неминуемо должен был принять казнь, он сказал: «Каждый осужденный на смерть имеет право еще раз говорить перед концом; могу ли я тоже воспользоваться этим правом?» – «Да, – сказал король, – конечно, можешь!» Тогда верный Иоганн сказал: «Я осужден несправедливо: я всегда оставался тебе верен». И затем рассказал, как он на море подслушал беседу трех воронов и как сообразно с этим он вынужден был поступать. Тогда король воскликнул: «О, мой вернейший Иоганн, ты помилован! Помилован! Сведите его поскорее сюда!» Но верный Иоганн при последнем слове своей речи пал наземь мертвый и обратился в камень.

Король и королева много о нем горевали, и король все говорил: «Ах, как это я мог так дурно вознаградить за такую великую преданность!» И приказал окаменелое изображение Иоганна поставить в своей опочивальне, рядом с кроватью. Как только, бывало, взглянет на него, так и заплачет, и скажет: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший слуга Иоганн!» По прошествии некоторого времени королева родила близнецов, двух мальчиков, которые стали подрастать и радовали своих родителей. Однажды, в то время как королева была в церкви и близнецы сидели и играли в опочивальне отца, тот еще раз в глубокой скорби взглянул на окаменелого Иоганна и воскликнул: «Ах, если бы я мог вновь оживить тебя, мой преданнейший Иоганн!» И вдруг камень заговорил и сказал: «Да, ты можешь оживить меня, если не пожалеешь для этого пожертвовать тем, что для тебя милее всего на свете!» – «О, все, что только есть у меня, – воскликнул король, – всем я для тебя готов пожертвовать!» И камень продолжал говорить: «Если ты собственной рукою отрубишь головы твоим двум детям и вымажешь меня их кровью – тогда я оживу вновь». Король сначала испугался, услышав, что он должен своей собственной рукою умертвить своих милых детей, но потом вспомнил о великой преданности верного Иоганна и о том, что ради его спасения тот пожертвовал своей жизнью, – выхватил меч и отрубил детям головы. И когда он их кровью обмазал окаменевшего Иоганна, жизнь вернулась в камень и верный Иоганн стал перед

ним снова бодрый и здоровый. Он сказал королю: «Твоя верность мне не может остаться без награды!..» – и с этими словами взял головы детей, приставил их на прежнее место, смазал разрезы их же кровью – и те вмиг ожили, стали прыгать кругом и играть, как будто им ничего и не приключилось дурного. Король очень обрадовался, и когда увидел, что королева возвращается из церкви, то спрятал и верного Иоганна, и обоих детей в большой шкаф. Когда та вошла, он спросил ее: «Молилась ли ты в церкви?» – «Да, – отвечала она, – но я постоянно думала о верном Иоганне, который из-за нас накликал на себя беду». Тогда сказал он: «Милая жена! Мы можем возратить ему жизнь, но дорогою ценою: ценою жизни наших обоих сыночков!» Королева побледнела и ужаснулась в сердце своем, однако сказала: «Мы обязаны для него это сделать ради его великой преданности». Тогда он обрадовался, что и она думает с ним заодно, подошел к шкафу, отпер его и вывел из него и детей, и верного Иоганна и сказал: «Богу хвала! И он спасен, и наши сыночки возвращены нам!» Тут только рассказал он королеве, как было дело. И с той поры они жили в великом благополучии до самой своей смерти.

Двенадцать братьев

Жили да были король с королевой; жили они в согласии и прижили двенадцать человек детей – и все были мальчуганы. Вот король и говорит королеве: «Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочка, то всех двенадцать мальчишек велю убить, чтобы и богатства у ней было больше, и все наше царство ей одной принадлежало». Он так и велел заготовить заранее двенадцать гробов, которые уж и были наполнены стружками и в каждый даже небольшое покойницкое изголовьице положено; по его приказу эти гробы были поставлены в особую, замкнутую комнату, от которой король отдал ключ королеве и никому не велел о том сказывать.

И вот мать стала по целым дням горевать, так что меньшой сын, который был постоянно при ней (она его по Библии и назвала Веньямином), спрашивал ее: «Милая матушка, отчего ты такая грустная?» – «Милое мое дитяtko, – отвечала она, – не смею я тебе этого сказать». Однако же он не отставал от нее с вопросами до тех пор, пока она не пошла, не отперла комнаты и не показала ему в ней двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. Затем она сказала: «Дорогой мой Веньямин, эти гробы отец ваш приказал приготовить для тебя и для твоих одиннадцати братьев, потому что он решил: если у меня родится

девочка, то всех вас он велит умертвить и в этих гробах похоронит». Говорила она все это и плакала; а сын утешал ее и сказал: «Не плачь, милая матушка, мы уж как-нибудь сами о себе позаботимся и сами от него уйдем». А она отвечала ему: «Ступай ты со своими одиннадцатью братьями в лес, и пусть один из вас всегда стоит на страже, на самом высоком дереве, какое в лесу найдется, и пусть смотрит на замковую башню. Если у меня родится сынок, то велю выставить на башне белый флаг, и тогда вы все можете спокойно вернуться домой; если же родится доченька, то велю выставить на башне красный флаг, и тогда бегите как можно скорее, и да хранит вас Бог. Каждую ночь буду вставать и молиться за вас Богу: зимою, чтобы был у вас огонек, около которого вы могли бы погреться, а летом – чтобы жара вас не сморила».

После того она благословила своих сыновей, и они вышли в лес. Все они, чередуясь, взлезали на высочайший из лесных дубов и стояли там настороже и глядели на башню замка. Когда прошло одиннадцать дней и пришел черед Веньямина, тогда он увидел, что на башне поднят какой-то флаг, но то был не белый, а красно-кровавый флаг, всем им возвещавший смерть!.. Как только услышали об этом его братья, все они вскипели гневом и сказали: «Неужели же мы осуждены на смерть из-за девчонки! Так мы же клянемся, что отомстим за себя: где бы ни повстречали мы девочку на пути нашем – она должна погибнуть от нашей руки».

Затем они углубились в самую чащу леса и среди нее, в самой глухой лесной трещине, нашли небольшой заколдованный домик, пуст-пустехонек. Тогда они сказали: «Здесь мы и поселимся, и ты, Веньямин, самый младший из нас и самый слабый, должен здесь быть постоянно и заниматься домоводством; а мы все остальные – будем кругом рыскать, о пище заботиться». И вот пошли они бродить по лесу и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков – что в пищу годилось; все это сносили они к Веньямину, и тот уж должен был им из этого изготовить обед, которым бы они все могли насытиться. Так прожили они в этом домике десять лет, и годы протекли для них незаметно.

Доченька, которую королева родила, успела тем временем вырасти, и была девочка предобрая, и собой красоточка, и во лбу у ней горела золотая звезда. Однажды, когда в замке была большая стирка, она вдруг увидела среди белья двенадцать мужских рубах и спросила у матери: «Чьи же эти двенадцать рубах? Ведь отцу-то они слишком малы». Тогда мать с великою скорбью отвечала ей: «Милое дитячко, это рубахи твоих двенадцати братьев». – «Да где же эти двенадцать братьев? Я о них еще никогда не слыхала». Мать отвечала:

«Единому Богу известно, где они теперь? Бродят где-нибудь по миру». Затем взяла девочку за руку и, открыв заветную комнату, указала ей на двенадцать гробов со стружками, с изголовьями. «Эти гробы, – сказала она, – были предназначены для твоих братьев; но они тайно ушли, еще до твоего рождения». – И рассказала ей, как было дело. Тогда девочка сказала: «Милая матушка, не плачь, я пойду и отыщу моих братьев».

И вот взяла она с собою двенадцать рубах, ушла из замка и прямо вошла в большой дремучий лес. Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованному домику. Вошла в домик и встретила в нем молодого человека, который спросил ее: «Откуда идешь – и куда?» – и немало был удивлен тем, что она была так хороша и наряжена в королевское платье и во лбу у ней горела звезда. Тогда она отвечала: «Я королевская дочь и ищу моих двенадцать братьев и пойду хоть на край света белого, пока не найду их». При этом указала она на двенадцать рубах, которые принадлежали королевичам-братьям. Тогда Веньямин увидел, что это их сестра, и сказал: «Я – Веньямин, твой младший брат». И она стала плакать от радости, и Веньямин тоже, и они целовались и миловались от всего сердца. Затем он сказал: «Милая сестрица, тут есть еще некоторое препятствие... Ведь мы пообещали, что каждая девочка, с которой мы встретимся, должна будет умереть, ибо мы из-за девочки должны были покинуть наше родное королевство». А она на это: «Так что же? Я охотно умру, если смертью своею могу освободить моих двенадцать братьев от ссылки». – «Нет, – отвечал он, – ты не должна умереть; садись вот под этот чан и сиди, пока не придут остальные одиннадцать братьев; уж я с ними как-нибудь улажусь». Так она и сделала. С наступлением ночи вернулись и остальные братья с охоты, и ужин им был готов. И когда они сидели за столом, то спросили: «Что слышно новенького?» Веньямин отвечал: «Неужто вы ничего не знаете?» – «Нет», – отвечали те; а Веньямин продолжал: «Как же это так? Вы по лесу рыщете, а я дома сижу, да более вас знаю!» – «Ну так рассказывай нам!» И он отвечал им: «А обещаете ли вы мне все, что первая девочка, которая нам встретится, не будет убита?» – «Да, да! – крикнули они все разом. – Она должна быть помилована!.. Ну-ну, рассказывай!» Тогда он и сказал: «Наша сестра здесь!» – и приподнял чан, и королева вышла из-под него в своих богатых одеждах и с золотой звездой во лбу, и явилась им такую прекрасною, такую нежною и стройною. И все они ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца.

И вот она осталась вместе с Веньямином в их доме и стала помогать ему в работе. А остальные одиннадцать братьев по-прежнему рыскали по лесу, били всякую дичь, диких коз, птиц и голубков, чтобы было им что поесть, а сестра с братом Веньямином заботились о том, чтобы им еду приготовить. Она собирала

валежник на топливо и корни на приправу и горшки около огня ворочала – и ужин был всегда на столе, когда возвращались домой ее одиннадцать братьев. Она и вообще наблюдала за порядком в домике, и постели им постилала чистенько и беленько, и братья были ею довольны и жили с нею в большом согласии. По прошествии некоторого времени случилось однажды, что Веньямин с сестрою приготовили братьям отличное угощение, и когда они все сошлись, сели за стол, то стали преселено и есть, и пить. А позади заколдованного домика был небольшой садик, и в том садике росли двенадцать лилий. Сестра задумала братьям доставить удовольствие, сорвала эти двенадцать цветков и хотела каждому из них поднести по цветку после ужина. Но как только она цветки сорвала, в то же мгновение ее двенадцать братьев обратились в двенадцать воронов и полетели за лес, а дом и сад – все исчезло, как не бывало. И очутилась бедная девочка одинешенька в диком лесу, и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом с собою старуху, которая ей и сказала: «Дитя мое, что ты это наделала? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветки были твои братья, и вот теперь они навек обратились в воронов». Девочка отвечала ей со слезами: «Неужто нет никакого средства их спасти?» – «Нет, – сказала старуха, – одно только и есть средство во всем свете, да и то такое трудное, что ты этим средством их не избавишь... Ты должна сама семь лет быть немой, не должна ни говорить, ни смеяться, и если ты хоть одно слово проронишь, а до семи лет недоставать будет хоть одного часа, то все твои труды пропали, и это одно твое слово убьет всех твоих братьев».

Тогда девочка произнесла в сердце своем: «Я знаю, что спасу своих братьев», – и пошла по лесу, отыскала себе высокое дерево, залезла на него и стала прясть, и не говорила, не смеялась. Случилось, однако же, так, что один король заехал в тот лес на охоту, а у того короля была большая борзая собака, которая прямо подбежала к тому дереву, на котором девушка сидела, стала около него кружить и лаять вверх. Подъехал к дереву король, и увидел королевну-красавицу с золотою звездою во лбу, и так восхитился ее красотой, что крикнул ей прямо, не желает ли она быть ему супругою. Она ему ничего не ответила, только головкою кивнула. Тогда он сам влез на дерево, снял ее оттуда, посадил к себе на лошадь и привез домой. Свадьбу отпраздновали великолепно и весело, но невеста короля не говорила и не смеялась. Когда уж они года два прожили друг с другом в полном согласии, мачеха короля, женщина злая, стала на молодую королеву нашептывать и клеветать королю: «Вывез-де ты из леса простую нищую, и кто ее знает, какими она безбожными делами занимается втайне от нас! Если она точно немая и не может говорить, так ведь она, по крайней мере, могла бы смеяться; ну а уж кто не смеется, у того, конечно, совесть нечиста!» Король долго не хотел верить этим наговорам, однако же

старуха так настаивала на своем и обвиняла свою невестку в стольких злодеяниях, что король наконец поверил этим наговорам и приговорил жену к смертной казни.

Во дворе королевского замка был разведен большой костер, на котором должны были ее сжечь, и король стоял у верхнего окошечка замка и смотрел сквозь слезы на все эти приготовления, потому что все же очень любил свою жену. Когда она уже была привязана к столбу и пламя костра длинными красными языками стало лизать край ее одежды, истек последний миг заветных семи лет. Тогда в воздухе послышался свист крыльев, и двенадцать воронов явились над костром и опустились наземь; и чуть земли коснулись, обратились в ее двенадцать братьев, которые ей обязаны были своим спасением. Они разбросали костер, погасили пламя, отвязали сестру от столба и стали ласкать и целовать ее. Тут уж, когда она могла открыть уста и говорить, она рассказала королю, почему была нема и никогда не смеялась. Король с радостью узнал о том, что она невинна, и они все вместе жили в согласии до самой смерти. А злая мачеха была отдана на суд, и суд присудил посадить ее в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и она погибла злою смертью.

О рыбаке и его жене

Рыбак с женою жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды у моря с удочкой и все смотрел в блестящие волны.

Вдруг удочка его погрузилась на дно, глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок на берег большую камбалу. И сказала ему рыбина: «Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я не настоящая камбала, я – замороженный принц. Ну что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придусь; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор». – «Ну, – сказал рыбак, – напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может». И с этими словами он отпустил рыбину в воду, и пошла камбала на дно, оставляя за собой на воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак, да и поплелся к жене в свою лачужку.

«Что же, муженек, – сказала жена, – или ты сегодня ничего не поймал?» – «Нет, – сказал рыбак, – я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц; ну я и отпустил ее опять в море». – «Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил?» – спросила жена. «Нет, да и чего же мне у нее просить?» – «Ах, – сказала жена, – да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи здесь у нас вдоволь; выпросил бы ты нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее из моря: скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она, наверное, нам даст ее». – «Ах, – сказал рыбак, – ну что я там еще пойду шляться!» – «Да ведь ты же ее изловил и опять на волю выпустил; она для тебя, наверное, все сделает!» Не хотелось рыбаку идти, не хотелось и жене перечить, и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня.

Приплыла к нему камбала и сказала: «Ну что ж тебе надобно?» – «Да вот, – сказал рыбак, – я-то тебя сегодня изловил, так жена-то мне говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на житье перейти». – «Ну ступай, – сказала камбала, – все тебе будет». Пошел рыбак домой и видит: жена-то его уж не в лачужке, и на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье. И взяла его жена за руку, и сказала ему: «Пойди-ка сюда да посмотри – теперь нам жить-то будет гораздо лучше». И вошли они в избу: в избе просторные сени и большая комната, и спальня, в которой их кровать стояла, и чулан с кладовою, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено – и оловянной, и медной посуды – все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами. «Посмотри-ка, – сказала жена, – разве это не хорошо?» – «Да, – сказал рыбак, – мы теперь заживем припеваючи». – «А вот посмотрим», – сказала жена. После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели две, и сказала жена: «Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы; твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам каменный замок». – «Ах, жена, жена! – сказал рыбак. – Нам и в избе хорошо! Ну как мы будем жить в замке?» – «Ах, что ты понимаешь? Ступай к камбале, она все это может сделать». – «Нет, жена, – сказал рыбак, – камбала только что дала нам избу; не могу я к ней сейчас опять идти: ведь она, пожалуй, может и разгневаться». – «Да ступай же! – сказала жена. – Она все это может сделать и сделает охотно. Ступай!» У рыбака так тяжело было на сердце, он и идти не хотел; он сказал самому себе: «Так делать не следует!» – и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело и стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня!

«Ну чего еще она хочет?» – спросила камбала. «Да вот, – сказал рыбак не без смущения, – она хочет жить в большом каменном замке». – «Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми», – сказала камбала. Повернул рыбак к дому, стал подходить и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец; и взяла его за руку и сказала: «Пойдем со мною вместе». Вошли и видят, что полы в замке выстланы мраморными плитами, и везде множество слуг, которые отпирали перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшнею и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся, по крайней мере, на полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев и всего, чего душа пожелает. «Ну-ка, – сказала жена, – разве все это не прекрасно?» – «О да! – сказал рыбак. – На этом мы и остановимся, и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего

вдоволь!» – «А вот посмотрим да подумаем», – сказала жена. С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка. Муж все еще спал и не шевелился до утра, и она, толкнув его локтем в бок, сказала: «Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Подумалось мне, отчего бы нам не быть королем да королевой над всею этою странюю? Сходи ты к рыбине – скажи, что хотим быть королями». – «Ах, матушка, – сказал рыбак, – ну как это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!» – «Ну коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой». – «Ах, жена! Ну где же тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!» – «А почему бы не сказать? – крикнула жена. – Сейчас же ступай – я должна быть королевой!» Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. «Не следовало бы так-то, не следовало бы!» – думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки.

И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня!

«Ну чего там еще хотите?» – спросила камбала. «Ах, – сказал рыбак, – да ведь жена-то хочет королевой быть!» – «Ступай домой, будет по воле ее», – сказала камбала.

Пошел рыбак домой и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые, а у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит – везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настезь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее – по

шести девиц в ряд, одна другой красивее. Стал он перед женою и сказал: «Ну вот, женушка, ты теперь и королевой стала!» – «Да, – сказала она, – я теперь королева!» Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал: «А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай теперь уж ничего не пожелаешь!» – «Нет, муженек, – сказала жена с тревогою, – соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди, скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть царицей». – «Ах, женушка! Ну на что тебе быть царицей!» – «Муж! Ступай к рыбине: хочу быть царицей!» – «Ах, да нет же! – отвечал рыбак. – Царицей она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а царь-то один! Наверно, знаю, что не может она тебя царицей сделать, и не может, и не может!» – «Что такое? Я королева, а ты мой муж, и смеешь мне перечить? Сейчас же пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и царицей! Слышишь, хочу быть царицей! Сейчас же пошел к рыбине!» Вот и должен он был пойти. И, идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: «К плохому дело идет! Царицей быть захотела – уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбине!»

В этих думах подошел он к морю; а море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку было страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня.

«Ну чего она еще хочет?» – спросила камбала. «Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь царицей быть хочет!» – «Ступай к ней, – сказала рыбка, – будет по ее воле».

Пошел рыбак домой и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршировали солдаты, в трубы трубили и били в барабаны; а внутри замка – бароны и графы и герцоги расхаживали заместо прислуги, они перед ним и двери отперли, и двери-то из чистого золота! И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне, высоком-превысоком, из литого золота; на голове у нее была золотая корона в три локтя вышины, вся усыпанная

брильянтами и яхонтами; в одной руке был у нее скипетр, а в другой – держава, и по обе стороны трона стояли в два ряда пажи, один красивее другого, и выстроены были по росту – от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик. А перед тронном стояли князья и герцоги. Стал перед женой муж и сказал: «Ну, жenuшка, ты теперь царица?» – «Да, я теперь царица!» Посмотрел он на нее, полюбовался и сказал: «Небось, жenuшка, хорошо быть царицей?» – «Ну чего ты там стал? – сказала жена. – Я теперь царица, а хочу быть папой! Ступай проси рыбину». – «Ах, жenuшка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбинка не может сделать». – «Муж! – сказала она. – Хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!» – «Нет, жenuшка, этого не смею я сказать рыбине! Это и не хорошо, да и слишком уж дерзко; папой не может тебя камбала сделать!» – «Коли могла царицей сделать, сможет сделать и папой! – сказала жена. – Сейчас же пошел к морю! Я царица, а ты – мой муж! Пойдешь или нет?» Перепугался он и пошел и совсем упал духом, дрожал как в лихорадке, и колени у него сами подгибались. Когда подошел он к морю, сильный ветер дул с моря, погоняя облака на небе, и было сумрачно на западе: листья срывало с деревьев, а море плескалось и шумело, ударяясь о берег, и видны были на нем вдали корабли, которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все же на небе еще был заметен клочок лазури, хоть и видно было, что с юга надвигается буря. Вышел он на берег, совсем перепуганный, и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня.

«Ну чего она еще хочет?» – сказала камбала. «Ох, – проговорил рыбак, – хочет она папою быть!» – «Ступай к ней, будет по ее воле», – сказала камбала.

Пошел он обратно, и когда пришел, то увидел перед собою громадный собор, кругом обстроенный дворцами. Едва пробился он сквозь толпу. А внутри храма все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его, в одежде из чистого золота, сидела на высочайшем троне, а на голове у нее были три большие золотые короны. Кругом ее толпилось много всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи – от самой большой, толщиной в доброе бревно, до самой маленькой, грошовой свечки. А цари и короли стояли

перед ней на коленях и целовали ее туфлю. «Женушка, – сказал рыбак, посмотревши на жену, – да ты, видно, папа?» – «Да, я теперь папа!» Смотрел он, смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Немного спустя и говорит он ей: «Ах, ženuшка, небось хорошо тебе папой быть?» А она сидела перед ним прямо и неподвижно, словно деревянная, и не двигалась, не трогалась с места. И сказал он: «Женушка! Ну теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж ничем больше не можешь быть?» – «А вот еще подумаю», – сказала жена. И затем они отправились спать; но она все еще не была довольна, и ее алчность не давала ей уснуть, и все-то она думала, чем бы ей еще можно быть?

Муж, набегавшись за день, спал отлично и крепко, а жена, напротив того, совсем не могла заснуть, и все ворочалась с боку на бок, и все придумывала, чего бы ей еще пожелать, и ничего придумать не могла. А между тем дело шло к восходу солнца, и когда она увидела зарю, то пододвинулась к самому краю кровати и стала глядеть из окна на восходящее солнце... «А! – подумала она. – Да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?..» – «Муж, а муж! – сказала она и толкнула его локтем под ребра. – Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самым Богом!» Муж еще не совсем очнулся от сна, однако же так перепугался этих слов, что с кровати свалился. Ему показалось, что он ослышался; он стал протирать себе глаза и сказал: «Ах, ženuшка, что ты это такое сказала?» – «Муженек, – сказала она, – я не могу повелеть ни солнцу, ни месяцу, чтобы они восходили, да и видеть того не могу, как солнце и месяц восходят, и покойна ни на час не буду, пока не дано мне будет самой повелевать и солнцем, и месяцем!» И так посмотрела, что его мороз по коже подрал. «Сейчас же ступай туда! Я хочу быть самым Богом!» – «Ах, ženuшка! – воскликнул рыбак и пал перед нею на колени. – Да ведь этого камбала не может сделать! Царицей и папой она еще могла тебя сделать; так вот и прошу я тебя, образумься, останься папой!» Тут она пришла в ярость, волосы у ней взъерошились на голове, и она крикнула во все горло: «Не смей со мною так говорить! Не смей! Сейчас же проваливай!» Тогда он мигом собрался и побежал к морю, словно помешанный.

А на море бушевала буря, да такая, что он еле на ногах держался: дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны ходили по морю, что горы, увенчанные белою пеною. Выйдя на берег, он закричал во весь голос и все же не мог расслышать даже собственных слов:

Рыба, рыбка, рыбинка,

Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена

Против воли шлет меня.

«Ну чего же еще она хочет?» – спросила камбала. «Ах, – пролепетал он, – она хочет быть самым Господом Богом». – «Ступай же к ней – она опять сидит в своей лачуге».

Там они еще и по сей день сидят да посиживают, на море синее поглядывают.

Замарашка

Случилось как-то, что жена одного богатого человека заболела, и когда почувствовала, что ее конец близок, то подозвала к своей постели единственную дочку и сказала: «Милое дитя, будь всегда доброю и Бога не забывай, тогда Он тебе будет помощник; а я с того света на тебя смотреть стану и всегда душою буду с тобою». Затем она закрыла глаза и почилла. Дочка каждый день ходила на могилку матери и постоянно была ко всем добра и Бога не забывала. Пришла зима, прикрыла могилку снежным пологом, и, чуть только снег растаял от весеннего солнца, отец сиротки женился на другой.

Мачеха ввела в дом своих двух дочерей, белолицых и красивых с виду, но злых и бессердечных. Тогда наступила тяжелая година для бедной падчерицы. «Неужели эта дура будет у нас в комнатах сидеть! – заговорили мачехины дочки. – Кто хочет хлеб есть, тот поди-ка заработай его; прочь отсюда, судомойка!» Они отняли у нее хорошие платья, напялили на нее старое серое платьишко и обули ее в деревянные башмаки. «Гляньте-ка на эту гордячку, как она вырядилась!» – заговорили они, стали смеяться и отвели бедняжку в кухню. Там должна она была с утра до вечера нести на себе всю черную работу, вставать рано, до света, воду носить, огонь разводить, стряпать и мыть. Сверх того, названные сестрицы старались всякими способами ее огорчать, осмеивали ее, высыпали в золу горох и чечевицу, приготовленные для кушанья, так что бедная сиротинка должна была выбирать их из золы по зернышку. Вечеру, утомившись от работы, она не имела даже кровати, на которую могла бы лечь: она должна была рядом с очагом ложиться в золу и на ней спать. И так как она

от золы была постоянно покрыта и пылью, и грязью, то злые сестры и называли ее Замарашкой.

Случилось однажды, что отец собрался на ярмарку и спросил своих падчериц, чего им оттуда привезти? «Красивые наряды», – сказала одна из них. «Жемчуг и драгоценные камни», – сказала другая. «Ну а тебе, Замарашечка? – спросил отец. – Тебе что привезти?» – «Батюшка, привези ту веточку, которая на обратном пути прежде всех хлестнет тебя по шляпе, отломи и привези мне!» Вот и закупил он своим двум падчерицам нарядные платья, жемчуг и драгоценные камни; а на обратном пути, в то время как он пробирался сквозь зеленую чащу кустов, ветка орешника хлестнула его так сильно, что и шапку с него сбила долой. Ту ветку он обломил и прихватил с собою. Приехав домой, он отдал падчерицам то, что им было любо, а Замарашке – ветку орешника. Замарашка поблагодарила его, пошла на могилку матери, посадила над нею свою веточку и плакала так неутешно, что слезы ее обильно оросили эту ветку. И выросла веточка в целое деревце. Замарашка каждый день трижды ходила под это деревце, плакала там и молилась, и каждый раз прилетала на то дерево и садилась беленькая птичка, и стоило только бедняжке высказать какое-нибудь желание, как уж птичка сейчас его выполняла и сбрасывала ей с деревца то, чего она пожелает.

Случилось как-то, что король той страны затеял праздник, и праздник тот должен был продолжаться три дня; на этот праздник он задумал созвать всех красавиц со всего своего королевства, чтобы его сын мог себе выискать между ними невесту. Обе названные сестры Замарашки, услышав, что и они тоже должны явиться на тот праздник, стали поласковее, призвали Замарашку и сказали: «Расчеши нам волосы, вычисти башмаки и закрепи на них пряжки – мы идем на праздник в королевский замок». Замарашка повиновалась им, однако заплакала, потому что и ей тоже хотелось идти вместе с сестрами и потанцевать: она даже попросила у мачехи, чтобы та ее отпустила на праздник. «Ты, Замарашка? – крикнула мачеха. – Вся ты в грязи и в пыли и тоже на праздник собираешься! Нет на тебе ни платьишка, ни башмаков – и туда же, танцевать лезешь!» Когда Замарашка не стала более просить ее, то мачеха сказала ей: «Вот я тебе высыпала в золу полное блюдо чечевицы, и если ты через два часа сумеешь эту чечевицу из золы выбрать, тогда, пожалуй, ступай вместе с сестрами на праздник!» Бедная сиротка сошла по черной лестнице в сад и крикнула во весь голос: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташечки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Те, что годны, в горшок,

а негодны – в зобо?к».

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка?, а потом турмана? мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и начали клевать: пик, пик, пик, пик – и другие тоже: пик, пик, пик, пик – и собрали все годные зерна в блюдо. И часу не прошло, как у них уже все было готово, и они улетели опять в то же окошко. Принесла Замарашка блюдо к мачехе с радостью и думала, что вот-вот и ей будет дозволено отправиться с сестрами на праздник. Но мачеха сказала ей: «Нет, Замарашка, у тебя и платьев не припасено, и танцевать ты не можешь, над тобой только смеяться станут». Когда бедняжка стала плакать, мачеха сказала: «Вот если ты мне два блюда чечевицы за час из золы выберешь дочиста, тогда, пожалуй, поедешь». А сама думала: «Где же ей это сделать?» Но когда она высыпала ей два блюда чечевицы в золу, девушка вышла черным крыльцом в сад и крикнула: «Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/grimm_brat-ya/skazki-dlya-vzroslyh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)